

ВЛАДИМИР БАРТОЛ

Аламут



Владимир Бартол

Аламут

Серия «Магистраль. Главный тренд»

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74508481
ISBN 978-5-04-254570-2*

Аннотация

Создатели серии видеоигр Assassin's Creed во многом вдохновлялись «Аламутом» Владимира Бартола при работе над первой частью франшизы.

«Ничто не истинно, все дозволено».

Таинственной крепостью Аламут правит Хасан ибн Саббах. Он знает: чтобы подчинить чужую волю, достаточно подарить человеку рай. Пусть даже ложный.

За стенами крепости скрываются сады. Там Хасан прячет наложниц. Евнухи обучают девушек танцам и стихосложению, а старуха Апама – искусству соблазна. Совсем скоро наложницам придется сыграть роль небесных гурий.

В то же время отряд фидаинов готовится к схватке с врагами повелителя. Юношей учат взбираться на отвесные стены, ходить по углям и задерживать дыхание до потери сознания. Они почти готовы. Хасану остается лишь влюбить их в смерть и превратить в ассасинов – безупречное оружие своей воли. Тогда

Хасан отомстит великому визирю, бросит вызов власти султана и заставит весь Восток говорить о себе.

Это роман о власти иллюзий, природе фанатизма и цене слепой преданности.

Читайте в серии:

Марио Пьюзо

– «Крестный отец»

Рю Мураками

– «Дети из камеры хранения»

Джон Фаулз

– «Коллекционер»

– «Волхв»

Кен Кизи

– «Над гнездом кукушки»

Дэйв Уоллис

– «Выжили только влюбленные»

Горан Петрович

– «Сеансы одновременного чтения»

Ван Динго

– «Вишневое дерево моего врага»

Дэниел Киз

– «Пятая Салли»

Эрнесто Сабато

– «О героях и могилах»

Содержание

Первая глава	6
Вторая глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Владимир Бартол

Аламут

Vladimir Barto

ALAMUT

© Vladimir Bartol, Sanje (2024) + www.sanje.si

© Франта А., перевод на русский, 2026

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Ничто не истинно, все дозволено.

OMNIA IN NUMERO ET MENSURA

Главное изречение исмаилитов

Первая глава

В середине весны 1092 года по старой военной дороге, ведущей из Самарканда и Бухары через Северный Хорасан и далее извивающейся у подножья Эльбрусского хребта, неспешно тянулся большой караван. Когда снег начал таять, караван покинул Бухару и теперь был уже несколько недель в пути. Погонщики размахивали кнутами и хриплыми головами кричали на животных, уже сильно изнуренных. Длинной вереницей шли друг за другом лошаки¹, одногорбые и туркестанские двугорбые верблюды и преданно везли свой груз. На невысоких, косматых лошадях ехал вооруженный конвой, глядя на длинную горную цепь, постепенно появлявшуюся на горизонте, со смешанными чувствами скуки и ожидания. Конвоиры устали от медленной езды и не могли дождаться конца путешествия. Они подходили все ближе и ближе к заснеженной вершине Демавенда, пока предгорье, вдоль которого лежал их путь, не скрыло ее из глаз. Повеяло свежим горным воздухом, который днем вселял новые силы в людей и животных. Но ночью холод был пронизывающим, и путешественники с погонщиками, ворча, теснились вокруг костров.

Между горбами одного из верблюдов был закреплен ма-

¹ Лошак – помесь жеребца и ослицы.

ленький паланкин, напоминавший клетку. Время от времени тоненькая рука приоткрывала завесу на окошке, и из него выглядывало робкое девичье личико. Большие, от слез покрасневшие глаза скользили по людям, словно в попытке найти ответы на тяжелые вопросы, мучившие ее всю дорогу: куда ее везут и что с ней хотят сделать. Но никто о ней не говорил. Только караван-вожатый, мрачный муж пятидесяти лет в потертом арабском халате и с объемным белым тюрбаном на голове, бросал на нее сердитый взгляд, когда замечал ее у открытого окошка. Если это случалось, девушка быстро задерживала завесу и скрывалась в глубине клетки. С тех пор как в Бухаре ее купили у хозяина, она пребывала наполовину в смертельном страхе, наполовину в ужасном любопытстве, какая же судьба ей уготована.

Однажды, когда они уже преодолели большую часть пути, с откоса, находящегося по правую руку, спустилась группа всадников и преградила им путь. Животные, идущие во главе каравана, сами остановились. Караван-вожатый и конвоиры обнажили тяжелые кривые сабли и приготовились к нападению. От чужаков отделился человек на низком гнедом коне и приблизился к каравану так, чтобы его голос мог быть услышан. Он выкрикнул пароль и получил ответ от караван-вожатого. Мужчины быстро приблизились друг к другу, вежливо поздоровались, и новый отряд перенял руководство. Караван свернул с пути и ехал среди кустарников без остановок до глубокой ночи. Наконец остановились

в небольшой низине, куда доносился отдаленный шум горного потока. Развели костры, наскоро перекусили и заснули мертвым сном.

С рассветом все были вновь на ногах. Караван-вожатый подошел к паланкину, который погонщики на ночь сняли с верблюда и поставили наземь, открыл завесу и позвал грубым голосом:

– Халима!

Робкое личико показалось у окна, и отворилась низкая тесная дверца. Твердая рука схватила девушку за запястье и вытащила ее из паланкина.

Халима дрожала всем телом. «Пробил мой час», – подумала она. Главарь чужаков, которые вчера присоединились к каравану, держал в руках черную повязку. Караван-вожатый дал ему знак, и тот без единого слова завязал девушке глаза, туго затянув узел на затылке. Затем он сел на коня, посадил девушку к себе в седло и закрыл ее полами своего широкого халата. Они с караван-вожатым обменялись парой слов. И всадник погнал коня. Халима сжалась в комочек и в страхе прильнула к всаднику.

Все ближе слышался шум потока. Они где-то остановились, и всадник с кем-то обмолвился парой слов. А потом снова прищепил коня. Но теперь он ехал медленнее и осторожнее, и Халиме казалось, что путь, скорее всего, очень узкий и ведет прямо вдоль горного потока. Холодом повеяло из глубины, и страх снова сжал ее сердце.

Снова остановились. Халима слышала крики и лязг железа, и, когда они вновь поскакали, из-под копыт доносился глухой ропот. Они проехали мост через поток.

Случившееся потом казалось ей кошмарным сновидением. Она слышала крики и вопли, как если бы спорила целая армия. Всадник поехал быстрее, не выпуская ее из полы своего халата. Теперь он летел по ровной поверхности, потом по неким ступеням, пока ей не начало казаться, что вокруг наступил непроглядный мрак. Внезапно всадник раскрыл полы халата, и Халима почувствовала, как ее схватили другие руки. Она затряслась, умирая от страха. Человек, которому передал ее всадник, еле слышно засмеялся. Он поспешил с ней по какому-то коридору. Внезапно ее объял странный холод, словно в подземелье. Она старалась ни о чем не думать. Но ей это не удавалось. Ей казалось, что близится ее последняя, самая страшная, минута.

Человек, державший ее на руках, начал одной рукой ощупывать стену. Нащупал какой-то предмет и сильно ударил им. Удар шумным эхом отозвался от двери.

Халима взвизгнула и попыталась вырваться из рук человека. А тот усмехнулся и сказал ей почти по-доброму:

– Не скули, павианчик!² Никто с тебя шкуры драть не станет.

Заскрипело железо, и Халима увидела сквозь повязку на глазах, что вновь стало светлеть. «В тюрьму меня бросят», –

² Павианы – род узконосых обезьян из семейства мартишковых.

решила она. Внизу зашумела вода. У нее перехватило дыхание.

Ей слышался топот босых ног. Кто-то подошел, и человек, державший ее, отдал ее подошедшему.

– Вот она, Ади, – сказал он.

Руки, в которых она сейчас оказалась, были сильные, как львиные лапы, и полностью обнаженные. Грудь его тоже была, вероятнее всего, обнажена. Она почувствовала это, когда он поднял ее на руки. Должно быть, он был настоящим великаном.

Халима отдала себя на волю судьбы. Она безвольно следила за тем, что с ней происходило. Человек пробежал с ней по какому-то подвесному мостику, неприятно качавшемуся под их тяжестью. Затем земля закрипела под ногами так, словно была посыпана мелкими камешками. Она чувствовала приятное тепло солнечных лучей, которые светили сквозь повязку на ее глазах. Вдруг откуда-то потянуло запахом свежих овощей и цветов.

Человек запрыгнул с девушкой в лодку, и та сильно закачалась. Халима вскрикнула и судорожно обхватила великана. Он рассмеялся высоким, почти детским голосом и приветливо сказал:

– Не бойся, милая газель. Я перевезу тебя на ту сторону, и мы на месте... Вот здесь, сядь!

Он положил ее на удобное сиденье и сел за весла.

Ей казалось, что она слышит издали доносящийся смех,

веселый девичий смех. Она прислушалась. Нет, не показалось. Она уже могла различить отдельные голоса. Камень упал с ее души. Там, где люди так счастливы, ее вряд ли ждет что-либо плохое.

Лодка коснулась берега. Человек взял девушку на руки и ступил с ней на берег. Поднялся вверх, неся ее на руках, а потом поставил на ноги. Халиму окружили громкие вскрики, и она услышала топот многочисленных, приближающихся сандалий. Великан засмеялся и прокричал:

– Вот она!

Затем он вернулся в лодку и уплыл. Одна из девушек подошла к Халиме, чтобы развязать ей повязку. Остальные тем временем переговаривались между собой.

– Какая худенькая, – сказала первая.

Вторая добавила:

– И какая молодая. Совсем еще ребенок.

– Посмотрите, кожа да кости, – заметила третья, – наверняка это из-за долгой дороги.

– Высока и тонка, как кипарис.

Повязка упала с глаз Халимы. Она была поражена. Вокруг нее все утопало в садах в первом весеннем цвету. Девушки, окружившие ее, были прекрасны как гурии³. А самой красивой была та, что сняла ей повязку с глаз.

– Где я? – спросила она робким голосом.

³ Гурии описаны в ранних частях Корана как вечно молодые девушки необыкновенной красоты, ожидающие в раю правоверных мусульман.

Девушки засмеялись, как будто бы их забавляла ее робость. Кровь прилила к лицу. Но красавица, которая сняла повязку, нежно обняла ее за талию и сказала:

– Не бойся, милое дитя. Ты у добрых людей.

Ее голос был заботливо теплым. Халима прижалась к ней, и глупые мысли стали роиться в голове. «Может, я попала к какому-то королю», – думала она про себя. Ее вели по дороге, посыпанной округлыми белыми камешками. Слева и справа были ровные клумбы, на которых цвели тюльпаны и гиацинты всевозможных цветов и размеров. Одни тюльпаны были ярко-желтыми, другие – кроваво-красными или фиолетовыми, третьи – разноцветными и пятнистыми. Гиацинты сияли белым или бледно-розовым, голубым и синим, сиреневым и светло-желтым цветом. Некоторые казались нежными и прозрачными, словно сделанными из стекла. Фиалки и примулы росли по краям. Рядом распускались ирисы и нарциссы. То тут, то там роскошные белые лилии раскрывали свои первые бутоны. Опьяняющий запах наполнял воздух.

Халима была поражена.

Они шли мимо розовых кустов. Кусты были обрезаны с заботой, и на ветках виднелись набухшие бутоны, из которых кое-где уже выглядывали красные, белые и желтые цветы.

Дальше их путь шел мимо густых кустов граната, усыпанных красными цветами. Дальше росли лимоны и персики. Дошли до сада, где цвели миндальные деревья и айва, яблоны и груши.

Халима смотрела, широко открыв глаза.

– Как тебя зовут, малыш? – спросила ее одна из девушек.

– Халима, – едва слышным шепотом ответила она.

Девушки засмеялись. У Халимы чуть слезы не брызнули из глаз.

– Не смейтесь, глупые мартышки! – одернула их покровительница Халимы. – Оставьте девочку в покое, дайте ей отдышаться. Она устала и совсем растерялась.

А Халиме она сказала:

– Не злись на их игривость. Просто они молодые и веселые, когда ты узнаешь их поближе, увидишь, что они несколько не злые. Они еще полюбят тебя, увидишь.

Они дошли до рощи, засаженной одними кипарисами. Халима слышала рокот воды со всех сторон. Откуда-то издаля доносился глухой шум, словно горный поток выливался в рокочущий водопад. Между деревьями показались просветы. Халима стала с любопытством всматриваться и вскоре начала различать замок, белевший в солнечных лучах на большом вырубленном участке рощи. Перед ним находился круглый пруд с фонтаном. Здесь они остановились, и Халима осмотрелась.

Со всех сторон местность окружали высокие горы. Солнце упиралось в крутые скалы и освещало заснеженные вершины. Она посмотрела в сторону, откуда они начинались. Большим утесом, подобным горе, был словно с неким умыслом завален проход в долину цветущих садов между двумя

откосами, создававшими ущелье. На скале белела в сиянье утреннего солнца мощная крепость.

– Что это? – со страхом спросила Халима, показав рукой на крепостную стену, по краям которой поднимались ввысь две высокие башни.

Ее покровительница ответила:

– У нас будет еще время для вопросов. Ты устала, и сначала мы тебя умоем, накормим и дадим отдохнуть.

Постепенно страх прошел, и Халима начала с любопытством рассматривать своих спутниц. Одна была милее и красивее другой. Шелк их шаровар слегка шуршал при ходьбе. Почти у каждой был свой цвет одежды, который ей больше всего шел. Их тесные жилетки были роскошно вышиты и украшены золотыми застежками, инкрустированными драгоценными камнями. Под ними были рубашки, светлых или ярких цветов, из тончайшего шелка. Руки девушек украшали дорогие браслеты, а шеи – жемчужные или коралловые ожерелья. Одни ходили с непокрытой головой, другие носили на голове платок, повязанный наподобие небольшого тюрбана. Их сандалии были искусно изготовлены из цветной кожи. Халима посмотрела на скудость своего одеяния и застыдилась.

«Может, они поэтому так смеялись надо мной тогда?» – подумала она.

Они подошли к замку. Он имел округлую форму, и к нему кругами вели невысокие ступени из белого камня. Много-

численные колонны подпирали крышу, будто в старинном храме.

Из замка вышла старая женщина. Сухая и высокая, как жердь, она держалась прямо и как-то высокомерно. Она была темнокожа, с сильно впалыми щеками. В ее больших темных глазах сверкало что-то лихорадочное, ее тонкие губы были сжаты, производя впечатление строгости и твердости. Из-за нее выскочила какая-то желтоватая кошка, удивительно крупная и с необычно длинными лапами. Она посмотрела на Халиму и злобно зафыркала.

Халима вскрикнула от страха и прижалась к своей покровительнице. Та пыталась ее успокоить. Она сказала Халиме: – Не бойся нашего Ахримана. Да, он, конечно, настоящий гепард, но кроток, как овечка, и никому не причинит вреда. Вот привыкнет к тебе, и вы с ним еще подружитесь.

Она подозвала зверя и крепко взяла его за загривок. Увещевала его, пока он не перестал рычать и не спрятал зубы. Потом сказала Халиме:

– Видишь, в целом он кроток. Когда ты переоденешься, он с тобой уже окончательно свикнется. А теперь погладь его, чтобы он к тебе привыкал. Главное, ничего не бойся. Я ведь его крепко держу.

Халима преодолела первый страх. Держась как можно дальше, она наклонилась вперед, обхватила левой рукой колено, а правой погладила гепарда по спине, едва касаясь его. Зверь выгнул спину, как настоящая кошка, и приветливо за-

мурлыкал. Халима быстро отскочила, а потом рассмеялась вместе с девушками.

– Что это за легкомысленная мартышка, Мириам? – спросила старуха ее покровительницу, пронзая Халиму взглядом.

– Ади мне передал ее, Апама. Она еще всего боится, а зовут ее Халима.

Старуха подошла к Халиме, смерила ее взглядом с головы до ног и пощупала, словно коня на продажу.

– Может, не так она и плоха. Только придется ее откормить, а то слишком тощая.

А потом добавила с какой-то особой злостью:

– Так тебе ее передало это оскопленное черное животное, говоришь? То есть оно держало ее в своих руках?! Ох уж этот уродливый поганец! Как только Сайидна⁴ может испытывать к нему такое доверие!

– Ади просто исполнил свою обязанность, Апама, – возразила ей Мириам. – А теперь идем, позаботимся об этом ребенке.

Она взяла Халиму под руку, по-прежнему держа другой рукой гепарда за загривок, и повела обоих за собой вверх по лестнице в замок. Девушки следовали за ними.

Они вошли в высокий коридор, который вел вокруг сооружения. Стены его были сделаны из отполированного мрамора, и предметы отражались в них как в зеркале. Звуки шагов тонули в роскошном ковре. У одного из многочисленных вы-

⁴ «Сайидна» – обращение, означает «наш господин» в переводе с арабского.

ходов Мириам отпустила гепарда. Тот ускакал на своих высоких лапах, как собака, с любопытством повернув свою милую кошачью головку к Халиме, которая теперь наконец-то вздохнула спокойно. Они свернули в новый поперечный коридор и вошли в круглый зал с высокими сводами. Халима вскрикнула в изумлении. Такая красота ей и во сне не снилась. Свет лился через витражную крышу, составленную из кусочков стекла ярких радужных цветов. Фиолетовые, голубые, зеленые, желтые, красные и белые лучи тонули в круглом бассейне, в котором вода слегка колыхалась от невидимого течения, приводящего ее в волнение. Пестрые краски играли на ее поверхности, разливались дальше по полу и неподвижно замирали на лежанках у стены, перед которыми и на которых были разбросаны искусно сшитые подушки.

Халима остановилась на пороге с широко раскрытыми глазами и ртом. Мириам смотрела на нее с тихой усмешкой. Она склонилась к бассейну и опустила руку в воду.

– Приятно теплая, в самый раз, – сказала она.

Она приказала девушкам, пришедшим с ними, подготовить ваннные принадлежности. Потом начала раздевать Халиму.

Халима застыдилась девушек. Она скрылась за Мириам и опустила глаза. Девушки с интересом ее рассматривали и смеялись вполголоса.

– Пошли вон, курицы! – прогнала их Мириам.

Они сразу же послушно вышли.

Мириам завязала Халиме волосы в пучок на затылке, чтобы не замочить их, и посадила Халиму в бассейн. Хорошенько ее потерла и смыла грязь. Затем вытащила из воды и вытерла мягким полотенцем. Дала Халиме шелковую рубашку и велела надеть широкие шаровары, которые принесли девушки. Вручила красивую жилетку, которая ей была слишком широка, а потом надела на Халиму пестрый кафтан, висевший до колен.

– Сегодня тебе придется довольствоваться моей одеждой, – сказала Мириам. – Но скоро мы тебе выкроем новую, по твоей мерке, и увидишь, как тебе самой понравится.

Она посадила Халиму на лежанку и подложила груды подушек.

– Отдохни здесь немного, а я пойду посмотрю, что тебе девушки приготовили поесть, – сказала она.

Мириам погладила Халиму по щеке своей мягкой розовой рукой. В тот момент они обе поняли, что друг другу нравятся. Халима стремительно, повинувшись инстинкту, поцеловала нежные пальцы своей покровительницы. Мириам посмотрела на нее с притворным неодобрением, но Халима почувствовала, что Мириам не рассердилась. Это вызвало у Халимы радостную улыбку.

Стоило только Мириам выйти, усталость навалилась на Халиму. Она закрыла глаза. Попыталась побороть сон. А потом она сказала себе: «Закрою глаза ненадолго и снова открою». И сразу же крепко уснула.

Проснувшись, она сначала не поняла, где оказалась и что происходит. Откинула одеяло, которым ее укрыли девушки, пока она спала, чтобы ей не было холодно, и села на край лежанки. Она потерла глаза, и перед ними возникли приветливые лица девушек, освещенные разноцветными лучами. Было далеко за полдень. Подогнув колени, Мириам опустилась на подушки и протянула Халиме миску холодного молока. Халима взяла ее и жадно выпила. Мириам снова налила молока из пестрого кувшина, и Халима снова выпила все залпом. Подошла темнокожая девушка и поставила перед ней позолоченный поднос с самыми разными сладостями из злаков, меда и фруктов. Халима съела все, что ей дали.

– Бедняжка, какая голодная, – сказала одна из девушек.

А другая добавила:

– И как же она бледна.

– Давайте нарумяним ей щеки и накрасим губы, – предложила прекрасная блондинка.

– Дайте же ребенку сначала наесться, – возразила Мириам.

Затем повернулась к негритянке, державшей золотой поднос, и сказала:

– Почисти ей банан или апельсин, Сара.

Следом спросила Халиму:

– Какой из этих фруктов ты любишь больше, дорогая малютка?

– Я ни одного не знаю. Я бы лучше оба попробовала.

Девушки засмеялись. Халима тоже засмеялась, и Сара дала ей банан и апельсин.

Наконец она почувствовала насыщение от всех чудесных яств. Облизала пальцы и сказала:

– Так хорошо мне еще никогда не было.

Девушки взорвались веселым смехом. Даже Мириам усмехалась, слегка поглаживая Халиму по щеке. Халима вновь почувствовала, как кровь закипает в жилах. Глаза ее засияли, настроение улучшилось, и она доверительно разговорила.

Девушки расселись вокруг, кто-то с вышивкой, кто-то с шитьем, и начали ее расспрашивать. Между тем Мириам дала Халиме в руки зеркальце в железной рамке и стала румянить ей щеки, красить губы, наносить черную тушь на ресницы и подводить брови.

– Значит, тебя зовут Халима, – сказала блондинка, которая и предложила накрасить Халиму, – а меня зовут Зайнаб.

– Зайнаб – красивое имя, – призналась Халима.

Девушки вновь рассмеялись.

– А откуда ты? – спросила ее негритянка, которую называли Сара.

– Из Бухары.

– Я тоже оттуда, – заметила луноликая красавица с роскошной фигурой. У нее был очаровательный округлый подбородок и теплые бархатные глаза. – Меня зовут Фатима. Кто был твоим прошлым хозяином?

Халима хотела ответить, но Мириам, которая как раз красила ей губы, остановила ее:

– Подожди немного, а вы ее не отвлекайте.

Халима быстро поцеловала кончики пальцев Мириам.

– Успокойся, дурочка! – ругала Мириам. Но ей не совсем удалось изобразить недовольство, и Халима ясно почувствовала, что получила полную благосклонность. Она была на седьмом небе от счастья.

– Кто был моим прошлым хозяином, спрашиваете? – вернулась Халима к вопросу, когда Мириам закончила с ее губами. Она с удовольствием смотрела на себя в зеркало и продолжала: – Торговец Али, старый и хороший человек.

– Если он такой хороший, почему продал тебя? – спросила Зайнаб.

– Беден был. Совсем обнищал. У нас даже есть стало нечего. У него было две дочери, но сваты его обманули. Ничего не заплатили ему за дочерей. Был еще сын. Но он исчез. Наверняка его убили разбойники или воины.

Глаза Халимы наполнились слезами.

– Меня должны были отдать ему в жены.

– Кто были твои родители? – спросила Фатима.

– Я их не знала, да и не знаю ничего о них. Насколько себя помню, я всегда была у торговца Али. Пока его сын был с нами, мы еще сводили концы с концами. Но потом дела пошли совсем плохо. Хозяин убивался от горя, рвал на себе волосы и молился. Жена сказала ему отвезти меня в Бухару

и продать. Он посадил меня на осла, и мы поехали в Бухару. Он у всех покупателей спрашивал, куда и к кому они собирались меня увезти. Пока ему не встретился торговец, покупавший для вашего господина. Этот торговец сказал, поклявшись бородой Пророка, что жить я буду как королева. Али поторговался, а когда меня увозили, во весь голос заплакал. Я тоже плакала. А теперь я вижу, что мой покупатель был прав. Здесь я и правда живу как королева.

Девушки переглянулись и заулыбались с влажными от слез глазами.

– Мой хозяин тоже горевал, когда продал меня, – сказала Зайнаб. – Я не от рождения рабыня. Меня еще совсем маленькую украли турки и увели меня с собой на свои пастбища. Я научилась ездить верхом и стрелять из лука, как парень. Все удивлялись моим голубым глазам и белым волосам. Даже издалека приезжали посмотреть на меня. Говорили, что меня точно купит какой-нибудь могущественный господин, если обо мне узнает. А потом пришла армия султана, и мой господин был убит. Мне тогда было лет десять. Мы отступали перед людьми султана и потеряли много людей и животных. Сын моего господина стал новым главой рода. Он влюбился в меня и взял себе в гарем настоящей женой. Но султан отобрал у нас все, и мой господин пришел в ярость. Он бил нас каждый день, но султану не желал покориться. Тогда воеводы заключили мир. Торговцы пришли к нам и стали все скупать. Какой-то армянин заметил меня

и не отступал от моего господина. Предлагал ему животных и деньги. Как-то раз они вошли в шатер. Увидев меня, мой господин выхватил кинжал и хотел было меня зарезать, чтобы не поддаваться искушению и не продать меня. Но торговец удержал его, и они сторговались. Я думала, что умру. Армянин увез меня в Самарканд. Он был отвратителен. Там он продал меня Сайидна. И все прошло...

– Как же ты натерпелась, бедняжка, – сказала Халима и с сочувствием погладила ее по щеке.

– А ты была своему господину женой? – спросила Фатима у Халимы.

Халима густо покраснела:

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Никогда не задавай ей подобных вопросов, Фатима, – сказала Мириам. – Не видишь разве, что она еще ребенок?

– О, мне очень не повезло, – сказала Фатима со вздохом. – Родственники продали меня вместе с матерью какому-то крестьянину. Мне едва исполнилось десять лет, как я была вынуждена стать ему женой. У него был долг, который он не мог выплатить, и он отдал меня своему кредитору в счет долга. Но он не сказал, что я ему уже была женой. Из-за этого мой новый хозяин обзывал меня самыми гадкими словами, бил и мучил меня, кричал, что мы с крестьянином облапошили его, и клялся во имя всех мучеников, что уничтожит нас. Я ничего не понимала. Господин мой был старый и уродливый, и я перед ним тряслась от страха, как пе-

ред шайтаном. Он и двум своим другим женам позволил меня бить. А потом еще и четвертую жену привел и с ней был слаще меда, а нас за это еще сильнее мучил. В конце концов нас спас караван-вожатый Сайидна, который купил меня в свои сады.

Халима смотрела на нее глазами, полными слез. Потом улыбнулась и сказала:

– Вот видишь, в итоге ты теперь здесь, и тебе хорошо.

– Хватит на сегодня рассказов, – взяла слово Мириам. – Скоро стемнеет, да ты и так устала. А завтра нас ждет работа. Вот щеточка, почисти зубы.

Это была тонкая палочка, один конец которой расщеплялся на тонкие нити волокна. Халима быстро сообразила, что нужно делать. Ей дали чашу с водой, и, когда она все сделала, ее повели в спальню.

– Твоими соседками будут Сара и Зайнаб, – сказала Мириам.

– Хорошо, – ответила Халима.

Пол спальни был устлан мягкими пестрыми коврами. Ковры висели также на стенах и спускались над низкими лежанками, на которых были положены изысканно расшитые подушки. Возле каждой постели стоял искусно вырезанный туалетный столик с прикрепленным на нем большим зеркалом в серебряной оправе. С потолка свисал позолоченный канделябр с пятью свечами, необычно изогнутой формы.

Девушки одели Халиму в длинную белую сорочку из тон-

кого шелка. Опоясали красным пояском и посадили перед зеркалом. Она слышала, как они шептались, что она милая и красивая. «Да, я и правда хороша, – подумала она, – совсем как королева». Она легла в постель, и девушки подложили ей подушки, укрыли периной и на цыпочках вышли. Халима зарылась головой в подушки и с ощущением сказочного счастья сладко уснула.

* * *

Первые лучи солнца, засиявшие в окне, разбудили Халиму. Она открыла глаза и увидела рисунки на ярко расшитых настенных коврах. Сначала ей показалось, что она все еще в пути. На стене она увидела охотника на коне, с копьём в руке гонящего антилопу. Под ним тигр и буйвол сошлись в поединке, негр из-за щита целился копьём в разъяренного льва. А там гепард следил за газелью. Тогда она вспомнила вчерашний день и осознала, где, должно быть, находится.

– Доброе утро, соня! – поприветствовала ее Зайнаб, приподнявшись в тот миг на своей лежанке.

Халима взглянула на нее и поразилась. Волосы Зайнаб перепутанными прядями ниспадали на плечи и блестели в солнечных лучах, словно чистое золото. «Она красива, как гурья», – подумала Халима. В полном очаровании она поприветствовала Зайнаб в ответ.

Халима посмотрела на другую лежанку. Там спала Сара.

Она была наполовину раскрыта, и ее полное темное тело светилось, словно эбеновое дерево⁵. Голоса разбудили Сару, и она не спеша открыла глаза. Они засверкали, словно темные звезды в белом сиянии. Сара остановила взгляд на Халиме и странно ей улыбнулась. Затем быстро опустила глаза, словно хищная кошка, смущенная человеческим вниманием. Она встала, подошла к постели Халимы и присела на нее.

– Вчера вечером, когда мы с Зайнаб пошли спать, ты нас не заметила, – сказала она. – Мы поцеловали тебя, а ты что-то недовольно пробурчала и повернулась к нам спиной.

Халима улыбнулась, хотя ее почти что пугал взгляд Сары. Она еще заметила, что над верхней губой Сары был легкий пушок.

– Я вас совсем не слышала, – ответила Халима.

Сара поела ее взглядом. Хотела обнять ее, но не решалась. Незаметно посмотрела в сторону Зайнаб.

Зайнаб уже сидела перед зеркалом и расчесывала волосы.

– Тебе их придется сегодня вымыть, – сказала Сара Халиме. – Ты позволишь мне вымыть тебе голову?

– Хорошо.

Она встала, и соседки отвели ее в отдельную ванную.

– Вы здесь каждый день моетесь? – удивилась она.

– Конечно! – засмеялись обе.

Они усадили Халиму в деревянную кадь и шутливо облили водой. Халима визжала, а потом вытерлась полотенцем и,

⁵ Экзотическая черная древесина некоторых тропических деревьев.

приятно освеженная, скользнула в одежду.

Завтракали в овальной столовой. У каждой было свое место, Халима насчитала двадцать четыре. Ее посадили почти во главу стола, рядом с Мириам. Та спросила ее:

– А чему ты вообще училась?

– Я умею вышивать и шить, ну и готовить.

– А как у тебя с чтением и письмом?

– Немного умею читать.

– Над этим нужно поработать. А как у тебя со стихосложением?

– Этому я не училась.

– Вот видишь. Всему этому и кое-чему еще тебе предстоит здесь научиться.

– Отлично, – с радостью отозвалась Халима. – Мне всегда хотелось чему-нибудь научиться.

– Предупреждаю, у нас в школе строгий распорядок, которого тебе придется строго придерживаться. И еще кое на что хочу обратить твое внимание: не спрашивай о вещах, которые непосредственно не относятся к теме занятий.

Сегодня Мириам казалась Халиме намного серьезнее и строже, чем вчера. Но Халима ощущала ее благосклонность и приязнь.

– Я во всем буду тебя слушаться и сделаю все точно так, как прикажешь, – сказала она.

У нее было предчувствие, что Мириам находится на особом положении в отличие от ее подруг. Халиму мучило лю-

бопытство, но задавать вопросы было нельзя!

На завтрак пили молоко и ели сладкие лепешки из сухофруктов и меда. Потом каждая взяла по апельсину.

После завтрака началась учеба. Девушки отправились в стеклянный зал с бассейном, которым Халима вчера так восхищалась. Они расселись на подушках, и каждая положила перед собой на колени черную табличку. Мириам показала Халиме ее место и выдала письменные принадлежности.

– Хоть ты пока и не умеешь писать, держи эти вещи так, как остальные. Пока просто привыкай к табличке и стилосу, а я тебя потом научу.

Затем она подошла к входу и постучала молоточком по гонгу, который висел на стене.

В зал вошел черный великан с толстой книгой в руках. На нем были короткие полосатые штаны и долгополая рубаха, свисавшая до пят и расстегнутая спереди. Обут он был в простые сандалии, а на голове носил тонкий красный тюрбан. Он сел по-турецки на подготовленную для него подушку лицом к девушкам и сказал:

– Сегодня, мои девушки-голубушки, продолжим знакомиться с отрывками из Корана, – произнеся это слово, он богобоязненно прикоснулся к книге челом, – в которых Пророк говорит нам о посмертных радостях и райских сладостях. Вижу среди вас новую девицу-ученицу, умницу-красавицу, что знаний желает и дух привлекает. Чтобы не лишиться ее ни капли мудрости, ни святой учености, пусть нам Фати-

ма, умница-разумница, повторит и объяснит все, что до сих пор заботливому садовнику Ади удалось в ваших сердечках посадить и в них взрастить.

Да, это был Ади. Тот, кто принес ее вчера в эти сады! Халима сразу узнала его по голосу. Ей так хотелось рассмеяться, но она стоически сдерживалась.

Фатима повернулась к учителю, подняв свой красивый округлый подбородок, и начала декламировать нараспев приятным голосом:

– В суре⁶ пятнадцатой, с сорок пятого по сорок восьмой аят, читаем: «Воистину, богобоязненные пребудут в Райских садах и среди источников. Входят сюда с миром, будучи в безопасности. Мы исторгнем из их сердец злобу, и они, как братья, будут лежать на ложах, обратившись лицом друг к другу. Там их не коснется усталость, и их не изгонят оттуда».

Ади похвалил ее. Затем она прочла наизусть несколько других отрывков, а когда закончила, Ади обратился к Халиме:

– Ты глянь, моя лань, сереброногая, быстроокая, на жемчуга мудрости своей сестрицы-голубицы, и увидишь, что мое знание и духа понимание в сердца наших гурий прекрасных посеяло и ростки дало. И ты все детское из сердца прочь гони и внимательно гляди, что тебе моя священная наука откроет, чем тебя на том и этом свете успокоит.

⁶ Коран делится на суры (главы), которые в свою очередь состоят из аятов (стихов).

Потом он начал неторопливо, слово за словом, диктовать новую суру Корана. Стилосы скрипуче скользили по табличкам. Губы девушек, слегка шевелясь, тихо повторяли записанное.

Урок закончился, и Халима с облегчением выдохнула. Все казалось ей таким смешным и таким чудным, будто это все не взаправду. Негр встал, трижды с учтивостью коснулся челом книги и сказал:

– Красавицы-девицы, умницы-ученицы, ловкие и бойкие, хватит мне излагать и бисер метать. Все, чему вы внимали и что записали, на носу зарубите и наизусть заучите. И прекрасную голубицу, вашу новую сестрицу, священной науке обучите и знанием просветите.

Он улыбнулся, обнажив ряд блестящих белых зубов, повел мудрыми глазами и с достоинством покинул класс.

Едва за ним успела опуститься завеса, Халима громко рассмеялась, заразив и других своей веселостью. Лишь Мириам сказала серьезно:

– Никогда больше не смей смеяться над Ади, Халима. Он может сперва показаться странным, но у него золотое сердце, и ради нас он готов на все. Он многое знает, и Коран, и священную философию, он прекрасный поэт и оратор, знает грамматику арабского и пехлеви⁷. И Сайидна очень доверяет ему.

Халима опустила глаза. Ей было стыдно. Но Мириам по-

⁷ Пехлеви – среднеперсидский литературный язык Ирана.

гладила ее по щеке и сказала:

– Ничего страшного, что ты смеялась. Но теперь ты все знаешь и больше не будешь так себя вести.

Халима кивнула и пошла с девушками в сады ровнять грядки и полоть.

* * *

Сара отвела Халиму в ванную вымыть голову. Сперва она расчесала Халиму, а потом раздела по пояс. При этом Саринны руки слегка подрагивали, что казалось Халиме мучительным и неприятным. Но думать об этом она не хотела.

– Кто же все-таки наш хозяин? – спросила она, невольно поддавшись своему любопытству. Она осознавала, что имеет над Сарой какую-то, ей самой непонятную, власть.

Сарин ответ не заставил себя ждать.

– Я все тебе расскажу, что знаю, – сказала она, и голос ее странно дрожал. – Но берегись, если выдашь меня. И ты должна будешь меня любить. Обещаешь?

– Обещаю.

– Всеми нами владеет Сайидна, что значит «наш Господин». Это очень могущественный хозяин. Да что тут говорить!..

– Говори! Говори!

– Может, ты его вообще никогда не увидишь. Я и еще несколько девушек здесь уже год, но его не видели.

– А кто он, «наш Господин»?

– Не спеши, я тебе все расскажу. Знаешь, кто из смертных первый после Аллаха?

– Халиф.

– А вот и нет! И даже не султан. Первый после Аллаха – Сайидна.

Халима широко раскрыла глаза от страшного удивления. Она почувствовала себя словно в сказке из «Тысячи и одной ночи». Только теперь она не просто слушала сказку, а была ее частью.

– Значит, еще никто из вас не видел Сайидна?

Сара прижалась щекой к уху Халимы.

– Одна из нас его хорошо знает. Но горе нам, если кто узнает, что мы об этом говорили!

– Я могила. Так кто же знает его?

– Мириам, – прошептала Сара. – Они в добрых отношениях. Но горе тебе, если предашь меня.

– Я ни с кем не буду об этом говорить.

– Правильно. Теперь ты должна любить меня, ведь я с тобой стольким поделилась.

Халиму все сильнее мучило любопытство. Она спросила:

– А кто та старая женщина, которую мы вчера встретили перед домом?

– Апама. Но говорить о ней еще опаснее, чем о Мириам. Мириам добрая и любит нас. А Апама злая и ненавидит нас. Она тоже хорошо знает Сайидна. Только ты смотри, никому

не проболтайся о том, что знаешь!

– Не проболтаюсь, Сара.

Сара второпях мыла ей голову.

– Ты вся такая сладкая, – шептала она. Халима чувствовала стыд, но сдержалась и притворилась, что ничего не слышала. Ей еще столько всего нужно было узнать.

– Кто такой Ади? – спросила она.

– Евнух.

– Что значит «евнух»?

– Не настоящий мужчина.

– Не понимаю.

Сара принялась объяснять ей подробнее, но Халима брезгливо остановила ее:

– Не хочу такое слушать.

– Тебе придется и не такое слушать.

Сара казалась обиженной.

Голова была вымыта, и Сара стала мазать Халиме волосы ароматными маслами. Потом расчесала их. Она хотела обнять и поцеловать Халиму, но та посмотрела на нее исподлобья с такой неприязнью, что она испугалась. Она вывела Халиму из ванной на солнце, чтобы волосы скорее высохли. Несколько девушек, ровнявших поблизости грядки, заметили Сару и Халиму и подошли к ним.

– Где вы так долго были? – спросили они их.

Халима опустила глаза, а разговорчивая Сара нашла, что ответить:

– Видели бы вы, сколько грязи было у бедняжки в волосах! Будто ей от рождения никто не мыл голову! С трудом я привела ее в порядок, но нужно будет еще хотя бы раз тщательно промыть, чтобы привести волосы в подобающий вид.

«Только бы Мириам не было среди девушек», – подумала Халима. Она бы наверняка заметила, что Халиму мучает совесть, и если бы спросила ее почему, то она бы не решилась скрывать. И Мириам сразу бы увидела, что она ни дня не может сдержать обещания не расспрашивать ни о чем.

Когда девушки ушли, Сара стала ее упрекать.

– Если будешь так себя вести, любой сможет догадаться, что ты что-то скрываешь. Веди себя так, будто ничего не знаешь. Тогда тебя и расспрашивать никто не будет. Я пойду к остальным, а ты погуляй на солнце, пусть волосы высохнут.

* * *

С той поры как Халима оказалась в этом странном мире, она была впервые по-настоящему одна. Она ничего не знала наверняка, ни где она, ни что должна делать. Ее окружали одни тайны. Но ничего неприятного в этом не было. Наоборот! Она неплохо устроилась в этом сказочном мире. Ведь в нем было столько пищи для ее любопытства! «Лучше всего притвориться дурочкой, – думала она. – Тогда меня просто не будут замечать, и я смогу везде влезть. Да и другие будут обо мне заботиться в таком случае».

Сара загадала ей много загадок, над которыми приходилось размышлять. У Мириам, которую она узнала с такой любезной и доброй стороны, оказалась и другая, таинственная, сторона. Что же могло означать «они в добрых отношениях» с Сайидна? Чем занималась злая Апама, которая тоже знала Сайидна? А смешной Ади, о котором Мириам твердила, что Сайидна ему очень доверяет? И, наконец, кто такой Сайидна, тот могущественный «наш Господин», о котором Сара не решалась говорить иначе, чем шепотом?

Она не могла стоять на месте и отправилась по тропинке в поисках всего нового. Наклонялась к цветам, и рассматривала их, и пугала разноцветных бабочек, опускавшихся на них. Вокруг нее раздавалось жужжание диких пчел и ярких шмелей, окутанных пылью. Летали вокруг нее и мушки, и другие насекомые, и все радовалось вместе с ней теплему весеннему солнцу. Позабылась прежняя, тягостная, жизнь, позабылось трудное путешествие, полное страха и сомнений. Теперь ее сердце пело от веселья и радости жизни. Ей казалось, что она попала в настоящий рай.

В кустах граната что-то зашевелилось. Халима прислушалась. Из кустов выскочило стройное, тонконогое животное. «Газель», – подумала она. Животное остановилось и посмотрело на нее своими красивыми карими глазами.

Халима поборола возникшую сперва боязнь. Присела на корточки и начала подзывать газель, ненароком передразнивая чудного учителя Корана:

«Газелюшка-подружка, покричи и ко мне скачи, стройноногая и тонконогая... Видишь, дальше не знаю, я же не ученый Ади. Иди к Халиме, она красива и молода, и газелюшка ей мила...»

Она сама рассмеялась своей красноречивости. Газель вытянула мордочку, подошла к ней и начала обнюхивать и лизать щеку, приятно щекоча. Халима засмеялась и начала в шутку отпираться, а газель была все настойчивее. И вдруг ей показалось, что нечто другое, тоже живое, коснулось сзади ее уха и дышало в него. Она обернулась и застыла от страха. Рядом с ней стоял желтый Ахриман и усердно соревновался в нежности с газелью. Халима упала навзничь и еле успела подставить локти. Не могла ни закричать, ни подняться. Широко раскрытыми глазами смотрела она в отчаянии на длинноногую кошку и ждала, когда же та нападет. Но Ахриман, очевидно, нападать и не собирался. Вскоре он вообще забыл о ней и принялся играть с газелью, ловя ее за уши и шутливо пытаясь ухватить ее шею. Должно быть, они были хорошо знакомы, они явно дружили. Халима набралась смелости и обняла обоих животных. Гепард ворчливо замурлыкал, как настоящая кошка, а газель опять начала лизать ей щеку. Халима ласкалась к ним, говоря самые сладкие слова. Она не могла взять в толк, как гепард и газель могли дружить уже на этом свете, если Пророк сказал, что Аллах приберег это чудо для обитателей рая.

Халима услышала, что ее зовут. Встала и пошла на голос.

За ней побежал Ахриман, сопровождаемый газелью, наскочивавшей на него, как козленок. Но тот не обращал на газель внимания. Лишь время от времени хватал ее за ухо.

Подруги ждали Халиму и сообщили, что та должна идти с ними на урок танцев. Они завязали ей волосы в пучок и повели в стеклянный зал.

Учителем танцев был евнух Асад. Молодой, среднего роста мужчина с гладким лицом и гибкими, почти женскими руками и ногами. Африканец, темнокожий, однако не настолько, как Ади. Халиме он казался милым и смешным одновременно. Войдя, он снял долгополую рубаху и остался в одних коротких желтых штанах. Он поклонился, приветливо улыбаясь, и довольно потер ладони. Попросил Фатиму поиграть на арфе, под звуки которой начал умело двигаться.

Искусство его заключалось в основном в гибкости живота и координации мышц. Вращения рук и перестановка ног лишь сопровождали ритм движения живота. Сначала он сам показывал, как надо, а потом и девушки должны были повторить за ним. Он велел им снять жилетки и раздеться по пояс. Халима застеснялась, но, когда увидела, с каким равнодушием раздеваются остальные, разделась и сама. Асад назначил Зулейху первой танцовщицей и поставил ее перед остальными. Затем отправил Фатиму на место, а сам взял длинную тонкую флейту и заиграл.

Лишь теперь Халима присмотрелась к Зулейхе. Фигурой своей она явно затмевала других. В танцах она была первой и

помогала Асаду на уроках. Она точно исполняла все, что он хотел, а остальные повторяли за ней. С флейтой в руках Асад переходил от одной девушки к другой, давал научную оценку гибкости и работе их мышц, исправлял и сам показывал, как правильно.

После урока Халиме хотелось есть и пить. Девушки пошли в сады, но далеко уходить было нельзя, ведь их ждал еще один предмет – стихосложение. Халима пожаловалась Саре, что голодна. Сара показала ей, где нужно подождать, пока она сама сбегает в дом. Вскоре она вернулась, сунула Халиме в руку уже очищенный банан и сказала:

– Помимо обедов, мы ничего не должны есть. В этом отношении Мириам очень строга, она боится, что мы растолстеем. Узнай она, что я дала тебе поесть, непременно бы меня наказала.

Халима в жизни не слышала, чтобы кому-то нельзя было есть только затем, чтобы не потолстеть. Наоборот! Чем полнее была девушка, тем больше ее хвалили. Поэтому Сарины слова не вызвали в ней никаких приятных чувств. Ведь в этом дивном месте их так вкусно кормили!

И снова пора было возвращаться в класс. Стихосложение тоже преподавал Ади. Предмет этот казался Халиме забавным. Он ей сразу понравился. Ади объяснял им бейт в газели⁸, а девушки должны были проявить всю свою находчи-

⁸ Газель – стихотворная форма в поэзии ряда народов Востока. Газель состоит из бейтов (двустуший), рифмующихся по формуле: aa, ba, ca, da и т. д., то есть

вость. Первый бейт произнесла Мириам и далее была свободна, а остальные должны были в рифму продолжить газель, соревнуясь меж собой. После десяти строф девушки исчерпали свою находчивость, лишь Фатима и Зайнаб увлеченно соревновались, пока тоже не устали. В первый и во второй раз Ади пропустил Халиму, когда была ее очередь, чтобы она успела освоиться. Слушая девушек, Халима очень веселилась, поэтому, когда пришла ее очередь в третий раз, Ади попросил ее подготовиться. Она немного испугалась, но ей льстило такое доверие, да и самой втайне хотелось помериться силами с подругами.

Мириам произнесла первую строфу:

– Если б я крылья птичьи имела...

Ади немного подождал и начал вызывать всех по очереди.

Девушки отвечали.

Зулейха: «Солнцу навстречу бы полетела».

Сара: «Радость бы душу мне грела».

Айша: «Я б каждой сироте помочь хотела».

Сит: «Я б в одиночестве пела».

Джада: «Не ошибиться бы глядела».

И в этот момент Ади любезно кивнул Халиме и попросил ее продолжить.

Та покраснела и начала:

– С тобой бы...

оба полустишия первого бейта рифмуются между собой, и затем эта рифма повторяется во вторых полустишиях последующих бейтов.

Слова застряли в горле, и она не смогла продолжить.

– На языке вертится, – сказала она.

Все засмеялись, а Ади рукой подозвал Фатиму:

– Ну, Фатима, закончи дело.

Фатима дополнила строфу Халимы:

– С тобой бы вместе улетела.

Халима сразу вспылила.

– Нет, я не это имела в виду, – сказала она рассерженно. –

Подождите, я сама продолжу.

И, откашлявшись, действительно продолжила:

– С тобой бы полетела в рай.

Громкий смех встретил ее слова. Она встала, раскрасневшаяся от стыда и гнева, и побежала к дверям. Мириам ее остановила.

Все спешили утешить ее и подбодрить. Она понемногу успокоилась и вытерла слезы. Ади объяснил ей, что нужно много труда, чтобы раскрылся цветок этого искусства, и не нужно отчаиваться при первой неудаче. Затем сказал девушкам продолжать. Но рифмы их уже оскудели. Поэтому Фатима и Зайнаб одни пустились в словесную схватку:

Фатима: «Надеюсь, Халима, теперь ты поумнела».

Зайнаб: «Советы раздавать ты б, Фатима, не смела».

Фатима: «Что я тебя умней, тебя задело!»

Зайнаб: «Быть дерзкой на язык – это не дело».

Фатима: «На дерзость ты мне не ответишь смело».

Зайнаб: «Я не боюсь, фантазию ты разогрела».

Фатима: «Кто фантазер, красив. А кротость – знак плохого тела».

Зайнаб: «Ты обо мне? Смотри, сама жиры наела».

Фатима: «Неплохо. Мне хвалить твое худое тело?»

Зайнаб: «Нет, в слепоте смешной ты вряд ли бы хотела».

Фатима: «Ах так? А если мне твоя наивность надоела?»

Зайнаб: «Бранясь, ты духа пустоту не одолела».

– Достаточно, голубушки, – сказал Ади. – В красивых рифмах и ученых максимах вы состязались и соревновались, препирались и пререкались, спорили и вздорили, друг друга ругали и глазами пронзали. Теперь же споры прекратите и друг другу руку протяните. Хватит учености и словесной мудрености. В столовую торопитесь, где вкусно наедитесь.

Ади любезно поклонился и вышел из класса. Девушки устремились за ним в столовую и заняли свои места.

* * *

Если утром завтрак ждал их уже на столе, то обед подавали трое евнухов – Хамза, Телха и Сохал. Так Халима узнала, что, в общем, к их услугам было семеро евнухов. Кроме обоих учителей, с которыми она уже познакомилась, и троих накрывавших на стол, было еще два стражника садов – Моад и Мустафа. В кухне распоряжалась Апама, а Хамза, Телха и Сохал были ее помощниками.

Они вели все домашнее хозяйство, мыли, убирали, стира-

ли, заботились о чистоте и порядке во всем доме. Все евнухи жили с Апамой в особом саду, окруженном рвами. У евнухов было там свое помещение. А у Апамы был отдельный домик.

Все это будоражило любопытство Халимы, но она не решилась вести расспросы в присутствии Мириам. Она едва могла дождаться, чтобы снова оказаться наедине с Сарой.

Обед показался Халиме настоящим пиром. Мягкая птичья печень, ароматное рагу, разные овощи, омлет, сыр, лепешка, медовые сладости с фруктовым компотом. И в придачу чаша с напитком, от которого мысли Халимы странно закружились.

– Это вино, – шепнула ей Сара. – Сайидна нам его разрешил.

После обеда они с Сарой пошли в свою спальню. Они были одни, и Халима спросила:

– А Сайидна может разрешить вино, если Пророк его запретил?

– Может. Я же тебе говорила, что он первый после Аллаха. Он новый пророк.

– Ты говорила, что никто из вас, кроме Мириам и Апамы, еще не видел Сайидна, да?

– Никто, кроме еще Ади, он его наперсник. Но Ади и Апама смертельно ненавидят друг друга. Апама вообще никого не любит. В молодости она была очень красива, а сейчас ее терзает то, что все в прошлом.

– А кто она такая, Апама?

– Тсс. Это ужасная женщина. Она знает все тайны любви, и Сайидна привел ее сюда, чтобы мы у нее учились. Вечером все услышишь. Говорят, она в молодости познала много наслаждения.

– А для чего нам столько учиться?

– Точно не знаю. Но думаю, что нас готовят для Сайидна.

– Мы попадем в его гарем?

– Возможно. А теперь ты мне скажи, ты уже меня любишь?

Халима раздраженно нахмурилась. Ее злило, что Сара задавала такие глупые вопросы, притом что ей нужно было выяснить столько важных вопросов. Она откинулась на постель, положила руки под голову и стала глядеть в потолок.

Сара села рядом и неподвижно смотрела на Халиму. Потом внезапно наклонилась к ней и начала целовать в щеки. Халима оттолкнула Сару.

– Мне интересно, что Сайидна будет делать с нами, – сказала Халима.

Сара поправила волосы.

– Мне тоже интересно, – ответила Сара. – Но никто не говорит об этом, а задавать вопросы нельзя.

– Как думаешь, отсюда можно сбежать?

– С ума сошла? Только приехала и уже спрашиваешь о таких вещах? Слышала бы тебя Апама! Ты что, не видела ту крепость на скале? Это единственный выход отсюда. Беги, если хочешь!

– А чья это крепость?

– Как, чья? Все, что видишь вокруг, включая нас, принадлежит Сайидна.

– А Сайидна живет в той крепости?

– Не знаю. Возможно.

– И ты не знаешь, как называется этот край?

– Не знаю. Много вопросов задаешь. Этого, может, не знают даже Апама и Ади. Только Мириам.

– Почему только Мириам?

– Я же тебе сказала, что они в добрых отношениях.

– Что значит «в добрых отношениях»?

– Что они как муж и жена.

– А кто тебе это сказал?

– Тс-с. Мы с девочками сами догадались.

– Не понимаю как.

– Конечно, тебе не понять, ты же не была в гареме.

– А ты была в гареме?

– Была, моя сладкая. Видела бы ты! Моим господином был шейх Муавия. Сначала я была его рабыней. Он купил меня, когда мне было двенадцать. Потом я стала его любовницей. Он сел ко мне, как я к тебе сейчас, и смотрел на меня так же, как я на тебя. Он сказал: «Моя сладкая черная кошечка». И поцеловал. Словами не передать, что я почувствовала! Он был красавец. Все его жены ревновали ко мне. Но они мне ничего не могли сделать, ведь он любил меня больше всех. От злости и зависти они старели и становились

уродливыми. Он брал меня с собой в походы. Однажды на нас напало племя неприятеля. Не успели наши воины принять оборону, как разбойники схватили меня и забрали с собой. На базаре в Басре они продали меня нашему Господину. Я была так несчастна.

Она громко расплакалась. Крупные, тяжелые слезы падали Халиме на щеки и грудь.

– Не плачь, Сара. Тебе же хорошо с нами.

– Если бы я знала, что ты меня хоть немного любишь, мне было бы легче. Мой Муавия был так красив и так сильно меня любил.

– Ну, я же тебя люблю, – сказала Халима.

А потом снова начала расспросы.

– А Мириам тоже была в гареме?

– Да. Но с ней было все по-другому. Она была как королева. Из-за нее погибло двое мужчин.

– А почему тогда она пришла сюда?

– Родственники ее мужа продали ее из мести, потому что она была неверна ему. Она опозорила всю семью.

– А почему она была неверна ему?

– Этого ты еще не понимаешь, Халима. Он не был для нее тем самым.

– Наверняка он любил ее.

– О, любил, он погиб от любви к ней.

– Откуда ты все так хорошо знаешь?

– Она сама рассказала, когда пришла к нам.

– То есть она не была здесь до вас?

– Нет. Первыми пришли я, Фатима, Джада и Сафия. И только потом – Мириам. Тогда мы еще были равны. И только Апама нам приказывала.

– А как тогда Мириам познакомилась с Сайидна?

– Точно не могу сказать. Он пророк и все знает и видит, наверное. Однажды он послал за ней. Она нам не сказала, но мы догадывались. С тех пор мы уже не были равны между собой. Она начала приказывать нам и перечить Апаме. Она становилась все могущественнее, и теперь ее должна слушаться даже Апама. И поэтому Апама ее ужасно ненавидит.

– Это все очень странно.

Вошла Зайнаб и села за свой столик перед зеркалом поправить волосы и накраситься.

– Пора идти, Халима, – сказала она. – Сейчас будет урок Апамы, а ее лучше не злить. Смотри, чтобы не прийти в класс в последний момент... Вот румяна и тушь, накрась щеки и брови. И розовая вода, подушись ей. Мириам послала меня за тобой. Поторопись!

Зайнаб с Сарой помогли Халиме привести себя в порядок. Потом все втроем отправились в класс.

Апама вошла, и Халима едва сдержала смех. Но взгляд старухи и зловещая тишина, воцарившаяся с ее приходом, как бы говорили Халиме быть осторожной. Девушки встали и низко поклонились.

Старуха была чудно разодета. На костлявых ногах болта-

лись широкие шаровары черного шелка. Ее красная жилетка была расшита золотом и серебром. Голову покрывал небольшой желтый тюрбан с длинным пером цапли. В ушах висели огромные золотые серьги-кольца, украшенные драгоценными камнями. Шею ее в несколько рядов обвивала нить крупных жемчужин. Запястья и щиколотки были украшены драгоценными браслетами искусной работы. Вся эта роскошь лишь подчеркивала ее старость и уродливость. Вдобавок ко всему она накрасила губы и щеки кричащим кармином, а глаза оттенила черным и выглядела как ожившее пугало. Жестом она приказала девушкам сесть и начала искать глазами Халиму. Затем, беззвучно рассмеявшись, начала говорить визгливым голосом:

– Хорошо вы накатали девчонку. Сейчас она глупо тарашится, как голая телка, которая не видала быка и не знает, что ею движет... Слушай внимательно, чтобы чему-то умному научиться! Не думай, что твои подружки такими умными с неба свалились. Хоть они и развратничали по гаремам до прихода в мою школу, лишь здесь они осознали, насколько сложно искусство любви. На моей родине, в Индии, ему начинают обучать с нежного возраста, ведь, как мудро сказано, жизнь коротка, учеба длится долго... Знаешь ли ты вообще, сиротинушка, что значит – мужчина? Знаешь, почему то черное убожество, которое принесло тебя вчера в наши сады, не настоящий мужчина? Говори!

Халима дрожала всем телом. В отчаянии искала она по-

мощи подруг, но те опустили глаза.

– Ты, похоже, язык проглотила, растяпа! – закричала старуха. – погоди, я тебе объясню.

С каким-то злорадством принялась она объяснять отличия мужчин и женщин.

Халима не знала, куда себя деть от стыда.

– Теперь ты поняла, девчонка? – спросила Апама наконец.

Халима боязливо кивнула, хотя половину прослушала, а другую половину не поняла.

– Сам великий Аллах поручил мне в наказание вбить столь высокую мудрость в головы этим гусыням! – воскликнула она. – Осознают ли эти цикады, сколько знания и сколько врожденного чутья нужно, чтобы всесторонне удовлетворить своего господина и возлюбленного? Упражняться, упражняться и еще раз упражняться! Лишь это приведет ученицу к цели. К счастью, справедливая судьба отняла у вас возможность посрамить высокое искусство любви своей кобылей похотью. О, мужчина – это чувствительная арфа, на которой женщина должна уметь играть сотни различных мелодий! А если она глупа и неумела, ах, какие же дрянные звуки будет издавать арфа! Если же она даровита и кое-чему научилась, то в ее умелых руках арфа заиграет небывалой красоты созвучиями. Глупые обезьяны! Вы должны стремиться извлечь из врученного вам инструмента больше звуков, чем вам кажется, что он может издать. Да не накажут меня добрые духи тем, что мне придется слушать неумелое тренька-

нье, скрежет и завывания!

Она начала подробно разъяснять то, что называла своей высокой наукой и искусством, и от стыда кровь прилила Халиме к шее, ушам и щекам. Однако она нехотя прислушалась. Ее охватило страшное любопытство. Будь они с Сарой наедине или хотя бы не будь рядом Мириам, при которой она больше всего стеснялась, наверное, объяснения Апамы увлекли бы ее. А так она опустила глаза, чувствуя себя почему-то виновницей и соучастницей.

Наконец Апама договорила. Она с достоинством покинула класс без прощания и поклона. Девушки выбежали на улицу и пошли гулять в сады, разбившись на группы. Сара держалась Халимы, которая не решалась подойти к Мириам.

Но Мириам сама позвала ее. Обняла за талию и повела за собой. Сара тенью следовала за ними.

– Ты уже привыкла к нашему образу жизни? – спросила Мириам.

– Мне все кажется необычным и новым, – ответила Халима.

– Надеюсь, ничего неприятного?

– Нет, конечно! Мне все очень нравится. Но только я так многого не понимаю.

– Потерпи, дорогая. Всему свое время.

Халима положила Мириам голову на плечо и незаметно посмотрела на Сару. Халиме было смешно. Она поймала Сарин взгляд, полный мук ревности.

«Меня любят», – подумала она, и сердце наполнилось радостью.

Тропинка привела их сквозь развесистые насаждения к шумящему потоку, который несся глубоко внизу среди скал. Халима заметила, что сады, должно быть, были разбиты на скалистой поверхности.

На одной из прибрежных скал загорали ящерицы. Их спины блестели, как изумруды.

– Смотри, какие красивые, – сказала Мириам.

Халиму передернуло:

– Бр-р-р. Я их не люблю. Они злобные.

– Почему?

– Нападают на девочек.

Мириам и Сара усмехнулись.

– Кто тебе такого наговорил, милое дитя?

Халима испугалась, что, похоже, опять сказала глупость, и осторожно ответила:

– Мой предыдущий господин говорил: «Бойся мальчишек! Если они перепрыгнут стену и ворвутся в сад, беги от них. Под одеждой они наверняка прячут ящерицу или змею, которых натравили бы на тебя, чтобы они тебя укусили».

Мириам и Сара громко рассмеялись. Сара пожирала Халиму глазами, а Мириам, кусая губы, сказала:

– Ну, здесь нет злых мальчишек, а наши ящерицы совсем кроткие и домашние. Они еще никому не сделали ничего плохого.

Затем она засвистела. Ящерицы стали крутить головами, словно пытаясь найти зовущего их.

Халима втиснулась между Мириам и Сарой, так она чувствовала себя в безопасности, и сказала:

– И правда, красивые.

Из расщелины показалась узкая голова, сверкнув раздвоенным языком. Халима окаменела от страха. Голова поднималась все выше, а шея становилась все длиннее. Сомнений не осталось – из расщелины лезла большая желтая змея, очевидно призванная Мириам.

Ящерицы разбежались во все стороны. Халима вскрикнула и хотела утащить оттуда Мириам и Сару, но те ее остановили.

– Не бойся, Халима, – успокаивала ее Мириам. – Это наша хорошая знакомая. Мы зовем ее Пери, она вылезает из своей норки, если посвистеть. Она просто умница, на нее никто не может пожаловаться. Да и вообще, мы здесь, в садах, все дружны, и люди, и животные. Мы отрезаны от мира и радуемся друг другу.

Халима успокоилась, но оставаться на том месте не хотела.

– Пожалуйста, давайте пойдем, – увещевала она девушек, а те, смеясь, послушно шли за ней.

– Не бойся ты так, – пожурила ее Мириам. – Ты же видишь, мы все тебя любим.

– У вас есть и другие животные?

– У нас их много. В одном из садов целый зверинец, но туда можно добраться только на лодке. Когда у тебя будет время, попроси Ади или Мустафу отвезти тебя туда.

– С удовольствием. А край, в котором мы живем, очень большой?

– Настолько большой, что умрешь от голоду, если тут потеряешься.

– Ой! Тогда я одна никуда больше не пойду.

– Не все так плохо. Сад, в котором живем мы, – это, по сути, остров, который с одной стороны отделен потоком, а со всех остальных сторон – искусственными рвами. Этот сад не так уж велик, ты не потеряешься, если покинешь его, но при этом не перейдешь водные преграды... Но там, под теми скалистыми стенами, там леса, а в них дикие гепарды...

– А откуда у вас Ахриман, такой милый и послушный?

– Как раз из тех лесов. Еще недавно он был совсем как котенок. Мы кормили его козьим молоком, да и сейчас не даем ему мяса, чтобы не одичал. Его принес нам Мустафа.

– Мустафу я не знаю.

– Он хороший человек, как и все наши евнухи. Когда-то служил факелоносцем у знатного господина. Служба была тяжелой, вот он и убежал. Теперь он вместе с Моадом охраняет сады... Но нам пора возвращаться в класс. Фатима и Зулейха будут нас учить музыке и пению. Фатима так красиво поет!

– О, это мне нравится!

Урок музыки и пения был для девушек приятным развлечением. Мириам дала им полную свободу. Они могли переходить из комнаты в комнату, дудеть в татарский курай⁹, бренчать на арфе и лютне, ударять по струнам египетской гитары, сочинять и распевать шуточные песенки, критиковать друг друга и спорить, а Фатима и Зулейха напрасно старались возвать к своему авторитету. Девушки смеялись, рассказывали истории и наслаждались баловством.

Сара снова привязалась к Халиме:

– Ты хочешь дружить с Мириам. Я видела.

Халима пожала плечами:

– От меня ничего не скроешь. Я тебя насквозь вижу.

– Ну, и что с того?

В Сариных глазах стояли слезы.

– Ты сказала, что будешь дружить со мной.

– Я ничего не обещала.

– Врешь! Я тебе поэтому столько всего рассказала.

– Я больше не хочу говорить об этом.

Все стихло, Сара и Халима тоже замолчали и прислушались. Фатима взяла гитару и, подыгрывая себе, запела. Пела старые, красивые любовные песни.

⁹ Татарский курай – продольная открытая флейта.

Халима была заворожена.

– Ты должна записать мне слова, – сказала она Саре.

– Запишу, если ты будешь меня любить.

Сара хотела прижаться к ней, но Халима ее оттолкнула:

– Не сейчас. Я должна послушать.

После урока девушки остались в классе. У каждой была своя работа. Они шили и вышивали, а некоторые отправились к большому, наполовину готовому ковру и продолжили вплетать нити. Другие принесли красивые резные прялки, сели к ним и стали вращать колесо. Они разговаривали о домашних делах, о своей прежней жизни, о мужчинах и о любви. Мириам наблюдала за девушками, прохаживаясь среди них, заложив руки за спину.

Халима думала о ней. У нее еще не было своей работы. Она слушала разговоры то тут, то там, пока ее мысли не остановились на Мириам. Если они с Сайидна были в добрых отношениях, что происходило между ними? Неужели она тоже, будучи в гареме, делала вещи, о которых говорила Апама? В это Халима не могла поверить, она отмахивалась от таких мыслей, убеждая себя, что это не может быть правдой.

Ужинали прямо перед заходом солнца. Потом шли гулять. Тьма опустилась в сады внезапно, и над ними засияли первые звезды.

Халима шла по тропинке, держа за руки Сару и Зайнаб. Они разговаривали вполголоса. Шум потока усилился, и этот край, чужой и неизвестный, распростерся перед ними

в бесконечность. Сердце Халимы защемило. Ей было горько и сладко одновременно, словно она, такая маленькая, потерялась в чужом волшебном мире. Все казалось ей таинственным, слишком таинственным для понимания.

В гуще запылал огонь. Пламя начало двигаться, и Халима в страхе прильнула к своим спутникам. Пламя все приближалось, и наконец перед ними появился мужчина с горящим факелом в руке.

– Это Мустафа, – сказала Сара, – который охраняет сады.

Мустафа был крупным, круглолицым негром, одетым в пеструю рубаху до пят, повязанную на поясе толстой веревкой. Увидев девушек, он добродушно засмеялся.

– Так это наша новая пташка, принесенная к нам ветром? – сказал он приветливо, глядя на Халиму. – Какое маленькое и хрупкое создание.

Вокруг горящего факела заплескала темная тень. Это закружилась у огня большая ночная бабочка. Все взгляды следили за ней. Вот она почти коснулась огня, а вот она снова полетела вверх, сделав большую петлю, и пропала во тьме. А потом снова вернулась, все одичалее мечась в танце вокруг пламени, сужая круги, пока огонь наконец не охватил ее крылья. Послышался треск, и бабочка, словно горящий метеорит, упала на землю.

– Бедняжка! – вскрикнула Халима. – Но почему она была так глупа?

– Аллах послал ей это наваждение, нападать на огонь, –

ответил Мустафа. – Спокойной ночи.

– Как странно, – сказала Халима вполголоса.

Девушки вернулись домой и разошлись по спальням. Разделись и легли спать. От событий минувшего дня у Халимы голова шла кругом. Смешной Ади, говорящий в рифму, умелый танцор Асад, разодетая Апама со своей бесстыдной наукой, таинственная Мириам, девушки и евнухи. И посреди этого всего она, Халима, которая всегда мечтала о неизведанных краях и жаждала волшебных приключений!

– Это хорошо, – сказала она сама себе и попыталась уснуть. И в эту минуту кто-то осторожно коснулся ее. Не успев закричать, она услышала прямо у своего уха Сарин голос:

– Тихо, Халима, не разбуди Зайнаб.

Она забралась к Халиме под покрывало.

– Уйди, – сказала Халима так же тихо. Но Сара прижалась к ней.

Халима отстранилась, а Сара начала увещевать ее, шептать на ухо. Халима повернулась к ней спиной, заткнула пальцами уши и мгновенно уснула.

Сара вернулась к себе в постель.

Вторая глава

Приблизительно в то же время, как Халима по странному стечению обстоятельств попала в неизвестные ей сады, по широкой военной дороге ехал в том же направлении, но с другой стороны, с запада, молодой человек на черноватом ослике. Не так давно, должно быть, забросил он детские амулеты¹⁰ и обвил свою голову мужским тюрбаном. На его подбородке едва пробивался первый пушок, а у его живых, умных глаз еще было детское выражение. Он ехал из города Саве, находящегося где-то на полпути между Хамаданом и старой столицей – городом Рей. В Саве его дед Тахир много лет назад основал братство исмаилитов¹¹, которое на первый взгляд занималось глубоким почитанием мученика Али, а на самом деле готовило план переворота по свержению сельджукских¹² правителей. В это братство приняли и некоего

¹⁰ Талисманы с выдержками из текстов Корана, надеваемые обычно детям и женщинам для защиты. Практика вызывает неоднозначные оценки, и среди приверженцев ислама имеет как сторонников, так и противников.

¹¹ Приверженцы одной из ветвей ислама шиитского толка, зародившейся в середине VIII века, когда отдельная группа шиитов выбрала седьмым имамом (правящим религиозным авторитетом) своей общины Исмаила, старшего сына шестого имама Джафара ас-Садика, который сам назначил имамом своего четвертого сына Мусу аль-Казима.

¹² Сельджуки – ветвь кочевых племен тюрков-огузов, названная по имени их предводителя Сельджука. Сельджуки приняли ислам и создали в XI веке правящую династию и свое государство, захватив Азербайджан, Курдистан, Ирак и

бывшего исфаханского муэдзина¹³. Вскоре после этого власти неожиданно напали на членов братства во время тайного собрания и некоторых бросили в тюрьмы. Подозрение в предательстве пало на муэдзина. За ним стали наблюдать и вскоре убедились, что подозрение обоснованно. Его тайно приговорили к смерти и исполнили приговор. За это власти задержали главу братства, Тахира, и повелели казнить его по приказу великого визиря Низама аль-Мулька. Братство в страхе распалось, и стало казаться, что исмаилизм в Саве исчез навсегда.

Когда внуку Тахира исполнилось двадцать лет, отец рассказал ему обо всем. Велел оседлать осла и собираться в путь. Он отвел сына на башню и, указав на островерхий заснеженный Демавенд, светящийся в бесконечной дали над облаками, сказал:

– Авани, мой сын, внук Тахира! Езжай прямо по дороге, что ведет на гору Демавенд. Когда прибудешь в город Рей, попроси указать путь на Шахруд, Королевскую реку. Иди вдоль реки до самых верховий, которые будут прямо под крутыми склонами. Там ты увидишь крепость Аламут, Орлиное гнездо. В ней старый друг твоего деда и моего отца, Тахира – да покоится он с миром, – собирает всех, кто исповедует учение исмаилитов. Скажи ему, кто ты, и попросись к нему

почти весь Иран.

¹³ Муэдзин – служитель при мечети, чьей обязанностью было провозглашать с минарета призыв для верующих к совершению молитвы в определенные часы.

на службу. Так ты сможешь отомстить за убийство деда. Благословляю тебя!

Внук Тахира надел на пояс кривую саблю, почтительно поклонился отцу и оседлал ослика. Беспрепятственно добрался он до города Рей. В караван-сараяе спросил он, как легче всего доехать до Королевской реки.

Содержатель караван-сарая сказал:

– Что ведет тебя к реке Шахруд? Не будь твое лицо так невинно, я заподозрил бы, что ты хочешь присоединиться к главарю с гор, собирающему вокруг себя еретических псов.

– Не знаю, о чем ты, – отпирался внук Тахира. – Я еду из Саве, чтобы встретить караван, который отец послал в Бухару, но он что-то долго едет обратно.

– Выйдя из города, оставь Демавенд по правую руку. Ты окажешься на проторенной дороге, по которой идут караваны с востока. Не сходи с нее, и она сама приведет тебя к реке.

Внук Тахира поблагодарил его и вновь оседлал ослика. Через два дня в пути он услышал вдали шум воды. Свернул с дороги и погнал ослика прямо к реке. Тропа вдоль нее вела то через пустынные поля, то через густые кустарники. Уклон реки становился все круче, а шум воды все громче.

Когда он наполовину проехал, наполовину прошел полдня, его неожиданно окружил отряд всадников. Они напали так внезапно, что внук Тахира и не вспомнил о сабле. Придя в себя, он потянулся к рукояти, но было уже поздно. На него было направлено семь острых копий. «Бояться позорно», –

решил он. Но как быть с таким превосходством противника?

Предводитель всадников обратился к нему:

– Что ты тут рыщешь, желторотик? Форелей хочешь наловить? Смотри, не проглоти сам свой крючок!

Внук Тахира был в замешательстве. Если это всадники султана, а он скажет им правду, ему конец. А если это исмаилиты, а он будет молчать, они решат, что он лазутчик. Он отпустил рукоять сабли и в отчаянии искал ответ в немых лицах воинов.

Предводитель весело подмигнул своим спутникам и сказал:

– Мне так и кажется, мой юный пехлеван¹⁴, что ты ищешь то, чего не терял.

При этих словах его рука быстро скользнула меж стремянем и седлом, и в ней оказалось белое знамя на коротком древке, знак приверженцев Али.

«А вдруг это ловушка? – подумал Авани. – Все равно! Рискну!» – воскликнул он про себя. Он соскочил с осла и протянул руку к знамени, которое предводитель протянул ему навстречу. Почтительно приложил он знамя к своему лбу.

– Все верно! – воскликнул предводитель. – Ты ищешь крепость Аламут. Следуй за нами.

И он погнал коня по тропе вдоль Шахруда. Внук Тахира, вскочив на осла, пустился за ним. Воины поскакали следом.

¹⁴ «Богатырь», «герой», «борец» (перс.).

Они были все ближе к горам, и шум Шахруда все усиливался. И вот они добрались до скалистой вершины, на которой возвышалась сторожевая башня. На ней развевалось белое знамя. У той вершины русло реки сворачивало в крутое ущелье.

Предводитель отряда придержал коня и велел остальным тоже подождать. Он помахал в сторону башни знаменем и получил в ответ знак, что проход свободен. Они въехали в темное, холодное ущелье. Путь был тесен, но сделан добротным, местами высечен прямо в скале. Глубоко внизу шумел поток.

На одном из поворотов предводитель остановился и указал вытянутой рукой вперед.

Внук Тахира увидел недалеко перед ним две высокие башни, белевшиеся посреди темных скал, словно призраки. Солнце освещало их, и они все сияли в его лучах.

— Это Аламут, — сказал предводитель и поехал дальше. Извилистый путь вел их далее вдоль потока, пока ущелье внезапно не разомкнулось. Внук Тахира широко раскрыл глаза. Перед ним была несокрушимая скала, а в ней крепость, часть которой была высечена в скале. Рядом с ней Шахруд разделился на два рукава и объял крепость, словно держа ее в тисках. Крепость была целым поселением, постепенно поднимавшимся от передней части к задней. По четырем углам стояли четыре башни, причем две задние заметно возвышались над передними. Крепость вместе с рекой была скованна

двумя крутыми, неприступными склонами, и, словно мощные врата, закрывала путь из ущелья.

Это был Аламут, самая мощная из пятидесяти крепостей в округе Рудбара. Ее построили дейлемские короли, и ходили слухи, что она неприступна.

Предводитель отряда подал знак, и с другой стороны, со стены, на железных цепях опустили тяжелый мост через поток. Всадники прошумели по нему через могучую круглую башню в крепость.

* * *

Они пришли на большой двор, разделенный на три широкие террасы, поднимавшиеся одна за другой, будто ступени. Посередине террасы были соединены каменными лестницами. Вдоль стен слева и справа росли высокие тополя и платаны, под которыми были самые настоящие пашни. На них паслись табуны лошадей, ослов и лошаков. В отдельном загоне лежало несколько десятков верблюдов и спокойно жевало. По сторонам располагались хлева, казармы, гаремы и другие здания.

Трескотню и шум, как на пасеке, услышал внук Тахира и удивленно осмотрелся. На средней террасе упражнялось несколько отрядов воинов. Он слышал резкие приказы, треск щитов и копий, бряцание сабель. Раздавалось ржание коней и крики ослов.

Другие мужчины укрепляли стены. Лошаки тащили тяжелые камни, которые работники потом поднимали на шкивах на нужные места. Возгласы и крики гремели со всех сторон, полностью перекрывая шум потока.

Они спешили, и предводитель спросил проходящего мимо воина:

– Сотник Минучехер на вахте?

Воин мгновенно остановился и ответил:

– Да, десятник Абуна.

Предводитель махнул юноше рукой, предлагая следовать за ним. Они повернули к одной из нижних башен. Откуда-то слышались резкие удары, сопровождаемые криками боли. Внук Тахира оглянулся на крики. К каменной колонне был привязан человек, раздетый по пояс. Огромный негр в коротких полосатых штанах и красной феске бил его по голой спине кнутом из переплетенных ремней. С каждым ударом кожа лопалась на новом месте. Кровь струилась из ран. Рядом стоял воин с ведром воды и время от времени поливал несчастного.

Видя ужас в глазах внука Тахира, десятник Абуна насмешливо улыбнулся.

– Мы тут не спим на перинах и не мажемся амброй, – сказал он. – Если ты на это рассчитывал, ты здорово просчитался.

Внук Тахира молча шел рядом. Ему было так любопытно, чем провинился несчастный, что заслужил такое жестокое

наказание, но странная тревога подавила его смелость, и он не спросил.

Они вошли в башню. Под ее сводами внук Тахира ясно осознал, как могучи крепостные стены. Целые каменные пласты были положены друг на друга. Темная влажная лестница вела наверх. По длинному коридору прошли они в просторную комнату, где на полу лежал простой ковер. В углу лежало несколько подушек, а на них полусидел-полулежал мужчина лет пятидесяти. Он был в теле, носил короткую кудрявую бородку, уже слегка тронутую сединой. На голове его возвышался большой белый тюрбан, а его длинная рубаха была расшита золотом и серебром. Десятник Абуна поклонился и ждал, пока мужчина не заговорит с ним.

– Что нового ты принес, Абуна?

– Этого юношу мы поймали в разведке, сотник Минуче-хер. Говорит, что собрался в Аламут.

При этих словах сотник неспешно поднялся. Перед внуком Тахира стоял мужчина, огромный, как гора. Он упер кулаки в бока, устремил взгляд на юношу и громко закричал:

– Ты кто, несчастный?

Внук Тахира вздрогнул, но быстро вспомнил слова отца и осознал, что пришел в крепость добровольно попроситься на службу. Он пришел в себя и вполне спокойно ответил:

– Меня зовут Авани, я внук того самого Тахира из Саве, которого великий визирь когда-то велел обезглавить.

Сотник смотрел на него с удивлением и недоверием:

– Говоришь правду?

– Зачем мне лгать, господин?

– Если так, то знай, что имя твоего деда золотыми буквами записано в сердцах всех исмаилитов. И наш Господин будет рад принять тебя в ряды своих воинов. Ты же ради этого пришел?

– Да, я пришел служить верховному повелителю исмаилитов и отомстить за смерть деда.

– Хорошо. Чему ты обучен?

– Чтению и письму, господин. Еще грамматике и стихосложению. Знаю наизусть почти половину Корана.

Сотник усмехнулся:

– Неплохо. А что с военным искусством?

Внук Тахира был смущен:

– Езжу верхом, стреляю из лука, немного владею мечом и копьем.

– Женат?

Юноша покраснел до ушей:

– Нет, господин.

– Ты предавался разврату?

– Нет, господин.

– Хорошо.

Сотник Минучехер обратился к десятнику:

– Абуна! Отведи ибн Тахира к да'и Абу Сораке. Скажи ему, что от меня. Уверен, он будет рад.

Они поклонились и покинули покои сотника. Вернулись

во двор. Колонна, к которой был привязан человек, битый кнутом, уже освободилась. Лишь несколько капель крови выдавало то, что там случилось. Ибн Тахир до сих пор ощущал легкий страх. Однако его уже обнадеживало осознание личной безопасности, ведь, очевидно, быть внуком мученика Тахира что-то да значило!

По ступеням прошли они на среднюю террасу. Справа было низкое здание, вроде казармы. Перед ним десятник остановился и осмотрелся, словно кого-то ища.

Темнокожий юноша в белых штанах, белой рубашке и белой феске бежал мимо, и десятник остановил его, вежливо сказав:

– Сотник посылает меня с этим юношей к да’и Абу Соракке.

– Тогда за мной! – Темнокожий молодой человек громко рассмеялся. – Почтенный да’и как раз учит нас стихосложению. Мы на крыше.

И, повернувшись к ибн Тахиру, добавил:

– Ты пришел, чтобы стать фидаином?¹⁵ Тебя ждут удивительные открытия. Я Обейда, ученик.

Ибн Тахир не вполне понимал его, но шел за ним вместе с десятником.

Они поднялись на крышу. Пол ее был покрыт жесткими

¹⁵ Фидаин (*араб.* «жертвующий», т. е. человек, жертвующий собой ради идеи) – обозначение членов религиозной организации исмаилитов-ассасинов, готовых пожертвовать жизнью для выполнения заданий руководителей общины.

коврами. На них сидело, скрестив ноги, около двадцати юношей, так же одетых во все белое, как и ученик Обейда. На коленях они держали таблички и писали на них слова старца в широкой белой тунике, сидевшего перед ними с книгой в руках.

Учитель поднялся, увидев пришедших. Недовольно нахмурившись, он спросил десятника:

– Что ты ищешь у нас в этот час? Не видишь, что сейчас время учебы?

Десятник в смущении закашлял, а ученик Обейда незаметно смешался со своими товарищами, с любопытством рассматривавшими чужака.

Абуна сказал:

– Прости, что я помешал твоему уроку, почтенный да'и. Сотник послал меня передать тебе этого юношу.

Старый проповедник и учитель смерил ибн Тахира взглядом с головы до пят.

– Кто ты и чего хочешь, мальчик?

Ибн Тахир почтительно поклонился:

– Меня зовут Авани, я внук того самого Тахира, которого приказал казнить в Саве великий визирь. Отец послал меня в Аламут служить делу исмаилитов и отомстить за смерть своего деда.

Лицо старца просияло. Вытянув руки, он поспешил к ибн Тахиру и тепло обнял.

– Как счастливы мои глаза, что видят тебя в этой крепо-

сти, внук Тахира! Твой дед был нашим с Господином хорошим другом... Иди, Абуна, и поблагодари сотника от моего имени!.. А вы, юноши, хорошенько посмотрите на своего нового товарища! Когда я буду объяснять вам историю и борьбу исмаилизма, я не смогу не упомянуть славного деда этого юноши, исмаилита Тахира, ставшего первым в Иране мучеником за наше дело!

Десятник подмигнул ибн Тахиру, словно говоря: «Ви-дишь, неплохо мы все провернули», и исчез в проходе, ведущем вниз. Да'и Абу Сорака держал юношу за руку, расспрашивал об отце и о делах в родном краю и пообещал, что сообщит о его прибытии главному предводителю. Наконец он сказал одному из учеников, сидящему на полу:

– Сулейман! Отведи ибн Тахира в спальню и покажи ему место того недостойного, что был разжалован в рядовые! Позаботься, чтобы он смыл с себя дорожную пыль и переоделся. И чтобы был готов к вечерней молитве!

Сулейман вскочил, поклонился старцу и сказал:

– Позабочусь, почтенный да'и!

Он позвал ибн Тахира следовать за собой. Они пришли в низкие помещения. Посреди узкого коридора Сулейман приподнял завесу над входом и пустил ибн Тахира вперед.

Они вошли в просторную спальню.

У стены напротив было около двадцати низких лежанок – больших холстяных мешков, набитых сухой травой, – с покрывалами из конского волоса. Подушками служили седла.

На стене над ними были одна над другой прибиты деревянные полки, на которых в строгом порядке были расставлены разные предметы необходимости: глиняные миски, молитвенные коврики, гигиенические принадлежности. У изножья каждой кровати стояла деревянная подставка, где размещался лук с колчаном стрел и копья – короткое и длинное. На противоположной стене висело три бронзовых светильника с множеством восковых свечей. В углу стояла колонна с емкостью для масла. Под свечами висело двадцать тяжелых кривых сабель, а рядом – столько же круглых плетеных щитов с выпуклым бронзовым центром. В комнате было десять зарешеченных окон. Всюду царила чистота и строжайший порядок.

– Эта постель свободна, – сказал Сулейман и указал на одну из лежанок. – Ее бывшему владельцу пришлось отправиться к рядовым пару дней назад. Здесь, около тебя, сплю я, а с той стороны Юсуф из Дамгана. Это самый крупный и самый сильный ученик в отряде.

– Говоришь, мой предшественник был разжалован в рядовые? – удивился ибн Тахир.

– Да, он был недостоин стать фидаином.

Сулейман взял с полки аккуратно сложенную белую рубашу, белые штаны и белую феску.

– Идем в купальню, – позвал Сулейман ибн Тахира.

Они вошли в соседнее помещение с каменной купелью и текущей водой. Ибн Тахир быстро вымылся и надел выдан-

ный Сулейманом убор.

Они вернулись в спальню, и ибн Тахир сказал:

– Отец передал мне приветствие для верховного повелителя. Как думаешь, когда я смогу предстать перед ним?

Сулейман рассмеялся:

– Забудь об этом, дорогой мой. Я здесь уже год, а до сих пор не знаю, как он выглядит. Из нас, учеников, его еще никто не видел.

– Значит, его нет в замке?

– Есть. Но он не покидает своей башни. Ты еще услышишь. Такое услышишь, что у тебя челюсть отвиснет... Говоришь, ты из Саве. А я родом из Казвина.

Ибн Тахир внимательно рассматривал Сулеймана за разговором. Более красивого юношу было трудно себе представить. Высокий, как кипарис, с острыми, но приятными чертами лица, с щеками, потемневшими от солнца и ветра. На темной коже проступал здоровый румянец. Его бархатные карие глаза с орлиной гордостью смотрели на мир. Под носом и на подбородке проглядывал легкий пушок. Весь его вид говорил о храбрости и дерзости. Когда он улыбался, показывал ряд крепких белых зубов. Его смех был искренним и немного колким, но это не отталкивало.

«Будто какой-то герой из «Шахнаме»¹⁶, – подумал ибн Та-

¹⁶ «Шахнаме» («Книга царей») – памятник национальной литературы иранских народов, собрание мифов, эпических сказаний и исторических хроник, самым значительным произведением является поэма Фирдоуси.

хир и сказал:

– Я заметил, что у вас у всех лица острые и твердые, как у тридцатилетних. Но, судя по росту бородки, я бы вам не дал и двадцати.

Сулейман засмеялся и ответил:

– Подожди две недели и тоже будешь таким. Мы здесь не цветы собираем и не бабочек ловим.

– Я хотел спросить, – начал ибн Тахир. – Ранее внизу я видел, как били кнутом привязанного к колонне человека. Мне интересно, чем он провинился, что заслужил такое наказание.

– Ужасное преступление, мой дорогой. Он должен был сопровождать караван, направлявшийся в Туркестан. Погонщики не были исмаилитами и по дороге пили вино. Ему тоже предложили, и он не отказался, хотя Сайидна это строжайше запретил.

– Сайидна запретил? – удивился ибн Тахир. – Но ведь запрет был наложен Пророком, он действует для всех правоверных!

– Ты этого пока не можешь понять, птенчик. Сайидна может разрешить и запретить все, что хочет. Мы, исмаилиты, должны подчиняться лишь ему.

Ибн Тахир был удивлен. На душе его стало тревожно. Он начал расспрашивать дальше:

– Ты сказал, моего предшественника разжаловали в рядовые. А за что?

– Он говорил о женщинах, и очень неприлично.

– Это запрещено?

– Строжайше! Мы избранный отряд, и, когда будем посвящены, будем служить самому Сайидна.

– Посвящены в кого?

– Я же говорил – в фидаины! Когда окончим учебу и пройдем испытания, станем фидаинами.

– Кто такие фидаины?

– Фидаин – это исмаилит, готовый без вопросов пожертвовать собой по приказу верховного повелителя. Если он погибнет, станет мучеником. А если выживет, исполнив тяжелый долг, будет повышен до да'и, а потом еще выше.

– Мне это все в новинку. Думаешь, будет трудно пройти испытания?

– Не сомневаюсь. Иначе бы не готовились к ним каждый день с утра до вечера. Шестеро учеников не вынесли тягот. Один умер на месте, пятеро сами попросились в рядовые.

– А не проще было уйти из Аламута, чем так унижаться?

– Эх, дорогой мой, с Аламутом шутки плохи. Тот, кто оказался в крепости, не может по своей воле покинуть ее живым. Здесь многое скрыто.

* * *

В комнату прибежали ученики. Они вымылись в купальне и были готовы к вечерней молитве. Великан, почти на голову

выше ибн Тахира, повалился на соседнюю лежанку и сказал:
– Я Юсуф из Дамгана. Человек я неплохой, но лучше меня не задирать и не подшучивать надо мной. Ты меня еще узнаешь.

И потянулся могучими конечностями, словно подкрепляя свои слова.

Ибн Тахир усмехнулся:

– Я слышал, что ты самый крупный и сильный из учеников.

Великан резко вскочил:

– Кто сказал?

– Сулейман.

Разочарованный, Юсуф снова лег.

Юноши посмеивались. Обейда подошел к ибн Тахиру и, раскрыв негритянский рот, сказал:

– Тебе у нас нравится, ибн Тахир? Конечно, тебе пока трудно сказать, ты только что пришел. Но, проведя четыре месяца в крепости, как я, ты позабудешь обо всем, что принес из внешнего мира.

– Слышали черножопого? – засмеялся Сулейман. – Только намочил клювик в аламутской медовухе, а уже других поучает!

– Мне что, тебя поучать, ты же тупой как пень? – рассердился Обейда.

– Мир, братья! – заворчал Юсуф со своей постели. – Не подавайте плохой пример новичку!

К ибн Тахиру подошел широкоплечий юноша с кривыми ногами и серьезным лицом.

– Я Джафар из Рея, – представился он. – В крепости я год, и, если захочешь что-то узнать по учебе, обращайся.

Ибн Тахир поблагодарил. Ученики стали по очереди подходить к нему и представляться. Афан, Абдур Ахман, Омар, Абдалах, ибн Вакас, Хальфа, Сохаил, Озаид, Махмуд, Арслан... И наконец, подошел самый маленький.

– Я Наим из Демавенда, – сказал он.

Все засмеялись.

– Без сомнений, один из демонов, обитающих на горе, – пошутил над ним Сулейман.

Наим сердито посмотрел на него.

– Мы много учимся, – продолжил Наим, – многому должны научиться. Знаешь наших учителей? Тот, который соблаговолил принять тебя, – это почтенный да'и Абу Сорака. Он славный миссионер, проповедовал во всех исламских землях. Сайидна нам его назначил за старшего. Он преподает историю Пророка и святых мучеников, павших за дело исмаилитов. Ведет и грамматику, и стихосложение на местном языке пехлеви.

– Слышали пташку? Самый маленький, но самый шумный.

Сулейман смеялся, и остальные тоже. А потом сам взял слово:

– Ты скоро сам узнаешь своих учителей, ибн Тахир. По-

ка запомни, что да'и Ибрахим, который учит нас догматике, алгебре, арабской грамматике и философии, – хороший друг Сайидна и с ним лучше не ссориться. У него нужно знать все наизусть. А грек аль-Хаким снесет любую болтовню, главное – не молчать. Сотник Минучехер не терпит возражений, его приказы должны исполняться немедленно. И чем быстрее выполняешь его приказы, тем выше он тебя оценит, тем больше ты ему будешь нравиться. Да'и Абдул Малик молод, но Сайидна его очень ценит. Он силен и закален – выдержит тяготы и боль, поэтому презирает тех, кто не может стиснуть зубы. Он воспитывает в нас силу воли, и его предмет самый важный, помимо догматики...

– Не пугай так моего голубочка! – перебил его Юсуф. – А то еще убежит. Смотрите, он весь побелел!

Ибн Тахир покраснел:

– Это от голода. Я весь день не ел.

Сулейман весело засмеялся:

– У нас ты узнаешь все виды поста, дорогой мой. Стоит лишь познакомиться с да'и Абдул-Маликом.

Протяжно затрубил рог.

– К молитве! – позвал Юсуф.

Все взяли с полки завернутые коврики и поспешили с ними на крышу. Ибн Тахир тоже схватил сверток над своей лежанкой и проследовал за ними.

На крыше их ждал да'и Абу Сорака. Увидев, что все пришли и разложили коврики, он повернулся на запад, лицом

к святым местам, и начал религиозный обряд. С громкой молитвой он пал ниц, раскинул руки и снова поднялся, как предписано законами верующих. Закончив молитву, он еще раз выпрямился, поднял руки к небу и снова пал ниц, моля:

– Прииди, аль-Махди, Сулимый и Чаемый! Освободи нас, самозванцев, и спаси нас, еретиков! Мученики Али и Исмаил, молитесь за нас!

Ученики повторяли его движения и слова. Внезапно стемнело. С соседних крыш долетали до них размеренные голоса других молящихся. Сердце ибн Тахира защемило странно и тревожно. Ему казалось, что все происходящее с ним нереально, что ему просто снится очень живой сон. И этот открытый призыв Али и Исмаила, на который верующие вне Аламута решались только за закрытыми дверями! Он был озадачен и растерян.

Все встали, вернулись в спальню и убрали коврики на свои места. Потом отправились ужинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.